

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 986-997. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.986
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

War Influence on Spirit Development of Russian Socium during 18th –the first half of the 19th centuries: Modernization or Protomodernization

Konstantin V. Samokhin ^{a, *}

^a Tambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

War influence on the mentality of different social groups in the Russian Empire during the 18th – the first half of the 19th centuries are analyzed in the paper. The theory of modernization is the methodological base of the article. It is interpreted classically as the transition from the traditional (agrarian) society to the modern (industrial) one. Modernization for Russia in the imperial period is defined as ‘catching up’. It has the wave base and the mobilization character. The “challenges” of the Western civilization played the great role for Russian modernization. The thesis is proved that the intensity of modernization processes including the spiritual ones depended on military actions scale and their results for the Russian state. Patriarchal relations (or paternalism), religiousness, monarchism, balanced land tenure principles (or social justice), communal collectivism are considered as the main characteristics for the mentality of the traditional Russian socium. They had to receive to the serious changes during the modernization pressure. The thesis is substantiated that spiritual modernization processes of the Russian society did not take shape. It is explained by the local and continental scale and the victorious result for the Russian Empire of the Great Northern war and the Napoleonic wars. The asynchrony of different modernization types played the great role in that aspect. In particular the late beginning of Russian socium’s social transition from traditional society to the industrial one stipulated late taking shape of modernization in the spiritual direction. It insists the author to come to the conclusion that it is necessary to interpret processes of Russian population’s majority mentality till the middle of the 19th century as the protomodernization.

Keywords: war, spirit development, Russian society, protomodernization, modernization, asynchrony, ‘catching up’ modernization, Russian Empire, mentality.

1. Введение

Теория модернизации является на данный момент одним из дискуссионных трендов мирового развития в историософском плане. Многочисленные споры об этом дискурсе и его применимости к истории России очень часто ведутся через призму соотношения конкретно-исторического и философско-теоретического уровней исторического знания, когда теория модернизации как идеальный конструкт приобретает характерные особенности при своем использовании для объяснения соответствующих процессов в определенных странах и/или периодов их развития. Даже скептики и критики использования модернизационной парадигмы в поле исследований, касающихся отечественной истории, в абсолютном плане не исключают ее эвристического потенциала, но говорят в данном случае об осторожном и вдумчивом подходе, который будет учитывать, в первую очередь, национальные особенности перехода от традиционного общества к современному (Капустин, 2001: 16; Буховец, 2016: 48). Несмотря на высокую степень сомнений в отношении эпистемологических возможностей транзитологии в целом, и теории модернизации в частности, Б.Г. Капустин наметил и вероятные перспективы в изучении модернизационных процессов, которые заключаются в

* Corresponding author

E-mail addresses: kon-sam@yandex.ru (K.V. Samokhin)

следующем: выявление их специфики в различных сферах жизнедеятельности общества; анализ их противоречивости и взаимовлияния друг на друга; учет практического аспекта, предполагающего «коллективные политические решения и действия» для преодоления возможных негативных явлений при осуществлении модернизации (Капустин, 2001: 16).

Исходя из намеченных выше исследовательских направлений и была сформулирована основная цель данной статьи: проанализировать влияние войн на процессы духовных трансформаций российского общества в XVIII – первой половине XIX веков в рамках модернизационного развития. Для ее достижения необходимо решить ряд задач, таких как определение сути модернизационных процессов в духовной сфере; выявление специфики этих процессов в отечественной истории для оценки масштабности и устойчивости модернизационных тенденций в развитии Российской империи XVIII – первой половины XIX веков.

2. Материалы и методы

Методологической основой для данного исследования стала теория модернизации. Она зародилась в 60-е гг. XX века и прошла достаточно извилистый, подчас тернистый путь к нынешнему моменту. За более чем четвертьвековую историю модернизационная парадигма испытала периоды взлетов и падений. Создавалась эта теория как возможная стратегия дальнейшего пути для стран «третьего мира» в самый разгар Холодной войны. Она должна была стать в определенной мере идеологическим оружием в ходе противостояния социалистического и капиталистического блоков, поскольку в качестве единственного образца и конечной цели модернизационных усилий для развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки ставила западную цивилизацию (Калхун, 2006).

70-е гг. прошлого столетия стали временем ее жесткой критики в связи с неудачной реализацией в качестве стратегии для обозначенных выше стран (Побережников, 2014: 133-143). Однако в дальнейшем последовал этап повышенного интереса к ней. За два последних десятилетия XX века модернизационная парадигма серьезно трансформировалась и приобрела новое звучание. Главным принципом теперь стала мультилинейность, которая предполагает множество альтернативных вариантов модернизационного развития, в череде которых Запад является одной из возможных, а не единственной, как ранее определялось, траекторий (Eisenstadt, 2000; Huntington, 2016: 100-101; Sztompka, 2015: 26-27). Сюда же следует добавить и многочисленные споры отечественных историков, возникшие в связи с образовавшимся методологическим вакуумом, обусловленным попытками преодоления формационного подхода, господствовавшего в советской исторической науке, и поисками новой исторической парадигмы на рубеже 80-х – 90-х гг. XX века (Модернизация России, 2004).

Итогом описанных выше трансформаций стало наличие двух трактовок модернизации:

а) узкая (классическая) как переход от традиционного (аграрного) общества к современному (индустриальному);

б) широкая как «особый способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала» (Sztompka, 2015: 25).

Для того чтобы подробнее объяснить методологические основы данной статьи, следует сказать и о комплексном подходе к теории модернизации, который предполагает рассмотрение ее процессов в разных сферах жизнедеятельности общества с учетом их возможного влияния друг на друга (Российская модернизация, 1993: 12). Залогом успешности западноевропейского перехода от традиционного общества к современному стала синхронность политической, экономической, социальной и духовной модернизаций. Однако начало модернизационным процессам в Западной Европе было положено именно в духовной сфере через формирование нового стиля мышления в эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения. Перечисленные выше факторы подвели идеологический фундамент под трансформации в остальных сферах жизни общества. Однако существенного темпорального разрыва между различными видами модернизации в рамках западной цивилизации не наблюдалось, что в целом и привело к удачному завершению перехода Запада от традиционного общества к современному.

Российская модернизация XVIII – первой половины XIX веков в целом характеризовалась догоняющей основой, поскольку Россия вступила на путь модернизационных преобразований значительно позже, чем Англия и скандинавские страны, которые шли в авангарде данного тренда в мировой истории. Это во многом и объясняет тот факт, что Российское государство вынуждено было предпринимать колоссальные усилия для того, чтобы ликвидировать наметившееся отставание. Выражались указанные сверхусилия, в первую очередь, в деятельности правящей элиты, которая, как правило, и была инициатором модернизационных процессов на всем их протяжении, что позволяет сделать вывод о мобилизационной особенности перехода России от традиционного общества к современному. Здесь следует еще и упомянуть о «вызовах» Запада российской (славянской) цивилизации, которые посылались с целью включить последнюю в орбиту модернизационных преобразований. Такими «вызовами» необходимо считать войны, которые вели

Российская империя, а позже Советское государство с уже модернизировавшимися странами Западной Европы, а позднее и США.

Однако не любые войны проявлялись в данных процессах как мощные катализаторы модернизации. Здесь следует учитывать такие характеристики, как масштабность боевых действий и результативность военных конфликтов для российской стороны. В случае широкого географического охвата (преимущественно континентального или мирового масштаба), а также серьезных поражений процессы российской модернизации имели наибольшее ускорение, в противном случае переход российского социума от традиционного общества к современному существенно замедлялся.

3. Обсуждение

В современной историографии отсутствуют специальные труды, целиком посвященные вопросам духовной модернизации и влиянию войн на нее. В лучшем случае авторы упоминают это явление, если хотят рассмотреть модернизационные процессы, опираясь на уже упомянутый выше комплексный подход. Однако серьезного анализа духовного перехода русского социума от традиционного общества к современному такие работы не содержат. Среди исследователей, которые более детально занимались проблемами духовной модернизации, следует выделить С.Н. Гаврова и Б.Н. Миронова.

Первый рассмотрел волновой механизм российской модернизации, связанный со сменой ее имперской и либеральной моделей в рамках монографии «Модернизация во имя империи» (Гавров, 2004). С.Н. Гавров отстаивает тезис о том, что социокультурная динамика русского народа получала существенный импульс для своего развития в краткие периоды либеральной модернизации. Имперский же тип модернизационных процессов затрагивал только элиту, отдаляя Россию от Западной Европы и тем самым создавая почву для сверхусилий русского социума в попытках достигнуть уровня западноевропейского образца. С.Н. Гавров подчеркивает, что с XVIII столетия российская социокультурная система проявляла адаптационную реакцию в ответ на «вызовы Запада» (Гавров, 2004: 43, 76, 84, 86-87).

Б.Н. Миронов сосредоточил внимание на проблемах духовной модернизации в главе 12 «Русская культура в коллективных представлениях» своего фундаментального труда «Российская империя: от традиции к модерну» (Миронов, 2018с: 371-589). В основу духовного перехода русского социума от традиционного общества к современному петербургский историк положил трансформацию трудовой этики от принципов «моральной экономики» к капитализму (Миронов, 2018с: 536). Большую роль в рамках описываемых процессов, по мнению исследователя, сыграли «увеличение потребностей людей, повышение производительности труда и в особенности рост человеческого капитала за счет развития системы образования» (Миронов, 2018с: 542).

Исходя из вышеприведенных рассуждений, необходимо сделать вывод о том, что проблемы духовной модернизации русского социума в целом, и влияния на нее войн в частности, не получили должного анализа в историографии, что вызвало необходимость в проведении данного исследования.

4. Результаты

Если говорить об истории России XVIII – первой половины XX веков, то, на наш взгляд, ее ход вполне укладывается в «прокрустово ложе» классической модернизации, поскольку Российское государство подошло к правлению Петра I с характеристиками, присущими традиционному обществу. Несмотря на появление первых мануфактур, начало складывания всероссийского рынка и попытки регулирования экономических отношений существующей властью через систему меркантилистских и протекционистских мер русская экономика основывалась на аграрном секторе, а в промышленности базовой единицей производства по-прежнему оставалась ремесленная мастерская. Политический строй тяготел к формированию абсолютной монархии, которая была прямой противоположностью итога политической модернизации – либерализации и демократизации властных отношений на основе развития правового государства и гражданского общества. В социальной сфере господствовало крепостное право, которое сводило на нет возможные процессы роста урбанизации и социальной мобильности. Менталитет крестьянства, которое составляло на тот момент большинство русского населения, определялся следующими принципами: патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, монархизм, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость) и общинный коллективизм (Кожевникова, 2011; Поршнева, 2000: 91-102). Следует заметить, что мировоззренческие установки остальных слоев населения хоть и имели характерные особенности, но в целом повторяли в своей основе указанные выше черты духовного мировосприятия крестьян.

Учитывая цель и задачи, поставленные в данной статье, необходимо наметить главные характеристики духовной модернизации как таковой для того, чтобы четко понимать, на какие процессы в развитии духовного мира русского социума следует обращать внимание при исследовании. Основы перехода от традиционного общества к современному в духовной сфере будут связаны с изменением ментальности людей. Главной трансформацией в данном случае выступит замена традиционного типа мышления на инновационный. Консерватизм как краеугольный камень

мировосприятия, выражающийся в стремлении сохранить существующие порядки, уступит место установкам на активную смену привычного уклада жизни. При этом динамичные трансформации будут считаться не каким-либо исключительным, а обыденным явлением. Коллективизм, характеризующий поведенческие практики традиционного общества и базирующийся на общинных отношениях и патриархальной семье, сменится индивидуализмом: самореализация человека будет выступать одной из главных ценностей в жизни социума и человек перестанет подчинять собственные интересы общественным (корпоративным или общинным). Еще одним определяющим процессом в русле духовной модернизации будет секуляризация сознания: существенно понизится уровень религиозности, что приведет к рационализации мировоззренческих установок. Патриархальность как доминанта в менталитете традиционного общества превратится в эгалитаризм, что скажется не только на семье в частности, но и на обществе в целом. В данном случае определенную роль будет играть формирование либеральной идеологии.

Первым «вызовом» славянской (российской) цивилизации со стороны Запада в плане развития модернизационных процессов стала Северная война. С учетом обозначенных выше характеристик этот внешнеполитический конфликт не мог стать мощным катализатором для инициации модернизационного тренда в Российском государстве. Несмотря на то, что велся он с уже модернизирующейся страной – Швецией, его локальный характер, а также итоговая победа российских войск не позволили переходу русского социума от традиционного общества к современному, приобрести оформленный вид. В данном случае мы соглашаемся с позицией известного российского исследователя, работающего в русле модернизационной парадигмы, Б.Н. Миронова о том, что процессы, имевшие место в России XVII–XVIII веков, следует считать протомодернизацией или предмодернизацией (Миронов, 2017: 17).

Тем не менее Российское государство определенные подвижки в рамках модернизационного развития сделало, хотя их значение не стоит преувеличивать. Наибольшим изменениям в данном аспекте подверглась экономика, что связано было, в первую очередь, с тем, что в экономическом плане Россия в наибольшей степени оказалась готовой к модернизационным трансформациям. Более того, начальные поражения в ходе Северной войны заставили Петра I заниматься именно экономикой для того, чтобы обеспечить армию всем необходимым. В подтверждение в данном случае можно привести следующие цитаты первого русского императора: «... чтобы деньги бережны везде были на нужные в военный поход расходы» и «денег, как возможно, собирать, понеже деньги – суть артерия войны» (Цит. по: Князьков, 1990: 270).

Северная война напрямую способствовала изменению налоговой системы, существенному повышению уровня торговли и мануфактурного производства. Многочисленные неудачные попытки Петра I каким-либо образом пополнить государственную казну в конечном итоге привели к появлению подушной подати (Князьков, 1990: 288-293). Необходимость снабжения русской армии вооружением, фуражом и обмундированием заложила основы развития мануфактурной промышленности. И, наконец, сами итоги военного конфликта с Швецией, когда Российское государство получило торговые пути в Балтийском море, а также меркантилистские и протекционистские меры первого русского императора, связанные с введением таможенного тарифа 1724 г. (Павленко, 1994: 491), подтверждают наличие зачаточной стадии модернизационных трансформаций в торговле.

Политическая сфера была далека от предполагаемого итога перехода России от традиционного общества к современному в силу завершения процесса формирования абсолютной монархии и наличия авторитарного режима управления государством. Большинство изменений русской политической системы обуславливалось Северной войной, поскольку реформы административного аппарата осуществлялись по шведскому образцу (Павленко, 1994: 443; Князьков, 1990: 209-216).

Социальные отношения находились под жестким воздействием крепостного права, которое препятствовало развитию социальной мобильности и урбанизации. Однако реформы Петра I, пусть в зачаточном плане, способствовали подвижкам в сторону модернизационных трансформаций. Создание регулярной армии и принятие Табели о рангах, безусловно, повышали возможности различных представителей русского общества при смене своей социальной принадлежности, однако темпы данного процесса были явно недостаточными для того, чтобы говорить о полномасштабной социальной модернизации.

И, наконец, духовная сфера не подверглась серьезным изменениям в ходе реформ Петра I. Патриархальность, по убеждению многих исследователей, являлась основной ментальной установкой в русском обществе вплоть до середины XIX века (Миронов, 2018а: 752; Бим-Бад, Гавров, 2010: 120-121; Демографическая модернизация, 2006: 44; Лексин, 2011: 8; Безгин, Ерин, 2012: 501). Она заключалась в жесткой иерархии между членами семьи (в первую очередь, крестьянской, но экстраполяция на весь русский социум в данном случае вполне обоснованна). Основной принцип выстраивания семейных отношений в этот период – подчинение женщин мужчинам, младших старшим. Главой семьи являлся большак, чье господство было безраздельным. Иерархия определяла взаимоотношения не только сыновей и всех женщин по отношению к отцу и мужу, но и дочерей и снох – к большухе. Во многом это зависело еще и от производственной функции семьи, когда

последняя была не только ячейкой общества, в фундаменте которой лежал, в первую очередь, родственник, а не супружеский союз, но и играла определенную роль в сельскохозяйственном производстве. Большак не только решал единолично все вопросы внутри семьи, но осуществлял представительство интересов своих домочадцев за ее пределами (Миронов, 2018a: 688-690; Безгин, Ерин, 2012: 501).

Практически ничем в плане семейных взаимоотношений не отличались от крестьянских городские семьи: в них отмечаются те же строгая иерархия и господствующие функции главы семьи. Датировка начала протомодернизационных трансформаций в этом случае также совпадает (Миронов, 2018a: 714-718). Что касается дворянства, то его семейный уклад во многом повторял ситуацию с крестьянством и горожанами, но здесь следует учитывать то, что европеизации высшее сословие в России стало подвергаться раньше, потому отношения в дворянской семье отличались более утонченным и гуманистическим характером, а начало модернизации приходится на первую треть XIX века. Большую роль в данном случае играла география: подвижки в сторону модернизационных изменений происходили быстрее и были более заметны в крупных городах (в первую очередь, в Москве и Санкт-Петербурге), провинциальное дворянство в большей степени и дольше сохраняло традиционный патриархальный быт (Миронов, 2018a: 720-735).

Коллективизм имел в русском обществе под собой две основы: приоритет интересов семьи над индивидуализмом, а также интегрированность отдельных семейных ячеек в соответствующие корпорации. Определенный интерес в данном случае будет иметь дискуссия о типологии русских семей, поскольку нуклеарная семья в большей степени способствовала развитию индивидуализма, нежели составная или расширенная (Миронов, 2018a: 648-649). Б.Н. Миронов после детальной проработки данного вопроса приходит к выводу о том, что состав семьи в XVI – начале XX веков зависел от «внутреннего развития крестьянского хозяйства для преобладающего числа крестьян в определенный период жизни. Стадия составной семьи, как правило, совпадала с детством, юностью (от рождения до 20–25 лет) и старостью (60 лет и старше), стадия малой и расширенной семьи – со зрелостью (после раздела составной семьи и образования самостоятельного хозяйства до его превращения в составную семью)» (Миронов, 2018a: 673). Однако при характеристике типологии семьи у различных слоев и сословий петербургский исследователь в целом склоняется к точке зрения, что составная семья превалировала у русского населения вплоть до середины XIX века. При объяснении причин указанного процесса он апеллирует к господству крепостного права, поддержке «общинной, помещичьей и коронной администрации» (Миронов, 2018a: 673). Тезис о преобладании составной семьи в рамках обозначенного временного периода высказывается и в других исследованиях (Демографическая модернизация, 2006: 44; Безгин, Ерин, 2012: 501).

Если говорить о проявлении коллективизма в рамках такой корпорации, как крестьянская община, то он был связан, в первую очередь, с одной из ее наиболее важных функций – регулярные переделы земли. По мнению Б.Н. Миронова, повсеместное внедрение этой функции в общинный быт произошло на территории Европейской России во второй половине XVIII – первой половине XIX веков (Миронов, 2018b: 149). Безусловно, эта тенденция способствовала в большей мере утверждению в сознании крестьян принципов уравнительного землепользования, которые становились основой для крестьянских представлений о социальной справедливости.

Другим проявлением коллективизма в рамках крестьянской общины являлась система управления и решения главных вопросов на общинных сходах. Как уже писалось выше, основная роль в данном случае отводилась большакам, которые выполняли представительские функции, отстаивая интересы своих семей. Б.Н. Миронов, определяя этот принцип самоуправления, подчеркивает важность для крестьян не столько равноправия в плане распределения власти, сколько – в отношении материальных благ: земли и налогов (Миронов, 2018b: 167).

Решения на общинных сходах принимались только солидарным способом, когда требовалось согласие абсолютно всех большаков, при любой другой альтернативе вопросы либо откладывались, либо больше не обсуждались (Миронов, 2018b: 169). Объясняя этот факт, петербургский исследователь приводит следующие рассуждения, которые достаточно ярко характеризуют общинный коллективизм: «Принципиальное значение имел тот факт, что до Великих реформ имущественная дифференциация между крестьянами в общине в большинстве случаев не вела к социальному неравенству, к изменению поведения у лиц, принадлежавших разным имущественным группам. Различия между ними напоминали, скорее, индивидуальные различия в возрасте, поле, опыте, мастерстве, способностях и благочестии, чем социальные статусы в строгом смысле слова. Стратификация имела не столько социальный, сколько преимущественно гендерный, физико-генетический профиль. Благодаря этому члены общины образовывали «мы-группу», в ней господствовало чувство групповой солидарности и лояльности» (Миронов, 2018b: 169-170). В этой цитате вновь определяется четкий водораздел, который служит границей в смене традиционных ценностей русского крестьянства, – либеральные реформы 60-х – 70-х гг. XIX века, в частности отмена крепостного права. Конечно, в данном случае Б.Н. Миронов в большей степени характеризует социальный строй, но именно последний определял во многом социальные установки, составляющие ментальную основу российского общества. В дальнейшем петербургский исследователь

квалифицирует зафиксированный выше феномен крестьянской жизнедеятельности как демократию общинного типа, или патриархальную демократию, или традиционную демократию, относя его, таким образом, к функционированию традиционного общества (Миронов, 2018b: 171).

Характеризуя коллективизм, проявляющийся в рамках общинного строя, нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как помощь, которая оказывалась миром отдельным членам общины или целым крестьянским семьям в какие-либо кризисные или тяжелые периоды жизни. Здесь имеется в виду сложившаяся система деревенского призрения, уходившая своими корнями вглубь веков и традиций. Ее проявлениями были и мироплатимые надель, и безвозмездные ссуды, и выделение участка в общественном лесу, и выдача хлеба старикам и малолетним сиротам, помощь в наиболее напряженные в сельскохозяйственном отношении периоды (толока как родственная или соседская помощь в работах), и т.д. (Безгин, Ерин, 2012: 499-500, Миронов, 2018b: 187).

К концу XVII века общинный строй посадского населения во многом копировал социальные установки своего сельского аналога. Чем меньше по размерам было городское поселение и чем дальше оно располагалось от Москвы и других крупных городов, тем в большей степени проявлялось это сходство: существовали такие же переделы земли между членами общины, самоуправление в виде схода глав семей. Соответственно, сельскохозяйственные занятия в провинциальных городах вполне могли соперничать по своей значимости с ремеслом и торговлей. Однако были и особенности, отличавшие городскую общину от крестьянской: олигархизм в управлении (Князьков, 1990: 414-415), отсутствие принципа солидарности при принятии решений. Б.Н. Миронов отмечает и более высокий уровень индивидуализма у горожан, который им предоставляла слободская община (Миронов, 2018b: 249-250). Опираясь на выделенные выше тенденции, необходимо сделать вывод о большей степени готовности городских жителей к модернизационным трансформациям. Однако численность горожан, составлявшая не более 5 % от всего населения, а при Петре I в результате его деятельности еще и регулярная падавшая (Князьков, 1990: 400-401; Миронов, 2018b: 256), не позволяет говорить об этом процессе как об общероссийском тренде. В целом реформы городского самоуправления, проведенные первым российским императором, мало сказались на общинном строе горожан (Миронов, 2018b: 252; Князьков, 1990: 412-414), а, следовательно, и на большой роли в их ментальных ценностях такой социальной установки, как коллективизм. В определенной мере проведение магистратской реформы по шведским образцам (Князьков, 1990: 409), что является еще одним доказательством обусловленности данных процессов Северной войной, влияло на патриархальный характер отношений, но только лишь в крупных городах, поскольку создание гильдий и цехов как новых элементов социального строя в городской среде начало разрушать соседскую слободскую общину, являвшуюся оплотом патриархальности, однако этот тренд еще не получил широкого распространения в масштабах всей России (Миронов, 2018b: 255-257; Князьков, 1990: 410-414).

Дворянство в силу своего социального статуса оказалось более предрасположенным к модернизационным процессам. Классической общины, как у крестьян и горожан, у высшего сословия не было (Миронов, 2018b: 281). Дворянский коллективизм по этой причине был слабо выраженным. В итоге расшатать, а затем и трансформировать определенные ментальные основы дворянства оказалось легче. До середины XVII века формой корпорации у высшего сословия был служилый двор. Определенную степень коллективизма у дворян он обуславливал: Б.Н. Миронов отмечает такие черты общинной организации, как «уравнительная раскладка служебных обязанностей между членами, групповое поручительство, выборы должностных лиц, за которых они ручались перед государством» (Миронов, 2018b: 282). Однако при всем этом элементы индивидуализма в духовном мире дворян имели большое значение. В частности, они несли индивидуальную ответственность за службу и совершение правонарушений, их обязанности перед государством также отличались индивидуальным характером, им не была присуща круговая порука. Потому преобразования Петра I, в первую очередь в военной и государственной сферах, относительно легко понизили степень коллективизма и подняли уровень индивидуализма в их мировосприятии (Миронов, 2018b: 283). Большую роль в данном случае сыграла новая система комплектования русской армии, поскольку регулярные полки, созданные при Петре Великом, не были односословными и во многом нарушали принцип землячества, позволявший дворянам не терять связи со своим служилым двором (Князьков, 1990: 364; Ключевский, 1989a: 77).

Трансформация таких характеристик, как религиозность и монархизм, во многом повторяла тренд развития других духовных установок в мировоззрении русского народа. Один из последних этапов борьбы Церкви и центральной власти в ходе формирования абсолютизма привел к подчинению этого социального института Синоду. Однако, несмотря на сокращение влияния Церкви в политическом плане, секуляризации сознания русского народа это не способствовало. Духовный мир всех слоев населения в своей основе имел Православие. Потому степень религиозности оставалась на прежнем уровне. Но эта тенденция развития Российского государства практически никак не была связана с Северной войной. Тем не менее укрепление абсолютной монархии косвенным образом обуславливалось конфликтом со Швецией, поскольку ведение боевых действий, учитывая их значимость для России, могло быть успешным, в первую очередь, в условиях централизации политической власти, которая только в этом случае смогла использовать большинство

ресурсов для победы над врагом. Подобные рассуждения ведут к тому выводу, что степень монархизма русского народа должна была неизбежно повыситься, чему в дополнительном плане необходимо способствовала и итоговая победа России в Северной войне, которая привела к повышению авторитета первого русского императора.

Взаимосвязь монархизма и высокого уровня религиозности в крестьянской среде фиксирует В.Б. Безгин (Безгин, 2004: 29). В частности, он отмечает, что фигура правителя России в мировосприятии крестьян вплоть до середины XIX века (и даже позднее) обладала ореолом сакральности. Решение всех своих проблем русский народ в течение всего периода существования Русского государства в досоветское время связывал именно с правителем-«батюшкой», который воспринимался, в первую очередь, как защитник русской земли от нападений внешних врагов, а в более узком плане – как «праведный государь», способный решить все внутренние проблемы. Правитель традиционно всегда отделялся от своего окружения, при этом последнее нередко народом отождествлялось с инициатором и главным виновником этих проблем. Такая оценка фигуры князя (царя, императора) Русского государства тесно связана с обозначенной выше патриархальностью, царившей в русских семьях, поскольку идея патернализма в семейных отношениях экстраполировалась и на всю ситуацию с политическим управлением в стране (Безгин, 2004: 29-30).

В принципе о зачатках духовной модернизации в петровский период стоит говорить только для высших слоев населения (в основном проживающих в Москве и Санкт-Петербурге), и военный конфликт со Швецией играл в данном аспекте не последнюю роль. Ведение боевых действий требовало определенной квалификации командного состава, который преимущественно формировался из лиц дворянского происхождения. Именно с этой целью Петром I создавались учебные заведения соответствующего профиля, а также организовывалась отправка дворянских сыновей за границу. В определенной степени менялось и положение женщин, которые стали активно приглашаться на ассамблеи, в том числе и на празднества, посвященные победам, одержанным русской армией в ходе Северной войны. Конечно, патриархат даже в среде высших сословий оставался краеугольным камнем в системе семейных отношений, но первые попытки по его искоренению все-таки были сделаны, хотя Петр не ставил напрямую такой цели. Нельзя не сказать и о символе петровских преобразований – Санкт-Петербурге, новой столице Российского государства, который позиционировался, прежде всего, как город с новым укладом жизни (Князьков, 1990: 580-612; Павленко, 1994: 514-548).

Традиционные ценности русского крестьянства в принципе остались в неизменном виде, что не позволяет говорить о каком-либо серьезном уровне духовной модернизации российского социума в первой четверти XVIII века. Определенные подвижки ментального плана наметились преимущественно у дворян и высших слоев городского населения, а учитывая их долю в численности русского общества, следует говорить лишь только о протомодернизации духовной сферы.

Таким образом, на самом начальном этапе обозначилась асинхронность процессов перехода России от традиционного общества к современному, что в дальнейшем существенно замедлило их ход и в итоговом варианте стало причиной неудач российской модернизации, которая до сих пор оценивается как незавершенная.

В периоды «дворцовых переворотов» и царствования Екатерины II российские государство и социум развивались во многом под влиянием импульса, созданного Северной войной и преобразованиями первого русского императора. Локальные международные конфликты, в которых участвовала Россия, хоть иногда и достигали континентального уровня (Семилетняя война), но, как правило, заканчивались успешным исходом для Российской империи, обусловленным во многом боевой мощью, созданной Петром I. Русско-турецкие войны по идее должны были сыграть более существенную роль в данном плане, однако их итоговый победный результат, а также и тот факт, что в Османской империи к этому времени не прошли процессы модернизации, не позволяют сделать такого вывода.

Императрицы Анна Ивановна, а особенно Елизавета Петровна и Екатерина II, чьи царствования определяли основные тенденции развития Российского государства во второй четверти – конце XVIII веков, четко демонстрировали свою приверженность к продолжению петровских начинаний (Анисимов, 2005: 102-106, 392-393; Анисимов, 1994: 62-63, 159, 272-273; Каменский, 2001: 186-187, 205, 251, 277, 314, 360-361), однако нередко подвергали их коррекции с учетом менявшейся ситуации.

В большей степени протомодернизационным преобразованиям были подвержены экономические отношения. Однако, учитывая их преимущественно аграрный характер, невозможно говорить о формировании сложившейся рыночной экономики в этот период. Усиление товарности сельского хозяйства, а также мощный рывок в развитии промышленности и торговли, отмечаемые исследователями (Тимошина, 2001: 83-90; Анисимов, 1994: 443-446; Анисимов, 2005: 295, 304; Павленко, 2004: 66, 74; Каменский, 2001: 313, 379, 462), говорят преимущественно о зачаточной стадии экономической модернизации, поскольку фабричное и заводское производство еще не стало доминирующей тенденцией в экономических процессах, а промышленный переворот еще не наметился.

Аналогичную ситуацию следует констатировать и в социальной сфере, поскольку крепостное право во второй половине XVIII века достигает своего апогея (Ключевский, 1989а: 290-295), а дворянство существенно улучшает свои позиции, что позволяет историкам говорить о наступившем для высшего сословия российского общества «золотом веке» ((Ключевский, 1989а: 292-300). Во многом совершенствовалось и юридическое закрепление прав городского населения (Тимошина, 2001: 97), однако развитие процессов социальной мобильности и урбанизации не достигло необходимого уровня, хотя численность горожан за период 1724–1796 гг. увеличилась почти в четыре раза – с 328 тыс. до 1301 тыс. (Корнилов, 1993: 28), – это не свидетельствует о преобладании в количественном плане жителей городов над сельчанами.

Политическое развитие Российской империи в XVIII веке после смерти Петра I следовало в рамках тенденции, наметившейся в годы правления первого русского императора, – укрепление абсолютной монархии. Практически все правители в обозначенный период так или иначе были склонны к проведению этой политики. Попытки ограничения самодержавной власти монархов через введение Верховного тайного совета при Екатерине I, Кабинета министров при Анне Иоанновне, Конференции при Елизавете Петровне решающей роли в рамках анализируемого тренда не играли. Смена формы абсолютизма с «полицейского», сформировавшегося в период правления первого русского императора, на «просвещенный», основы которого были заложены Северной Семирамидой, позволяет отдельным историкам прийти к выводу о складывании правового государства, поскольку правящий режим ограничивал себя комплексом правил и норм (Каменский, 2001: 457), однако, на наш взгляд, это – лишь «первая ласточка» в рамках длительного пути, который предстояло пройти России в ходе осуществления политической модернизации.

С учетом проведенного выше анализа говорить об оформлении каких-либо серьезных трансформаций в менталитете русского крестьянства вплоть до середины XIX века не приходится. Во многом подобный вывод необходимо сделать и относительно остальных категорий русского населения. Они в большей степени, чем крестьяне, оказались подверженными протомодернизационным трансформациям в силу своего сословного и социального положения, но о начале модернизации в данном случае стоит говорить не ранее пореформенного периода.

Относительно серьезным изменениям у горожан и дворян подверглась такая ментальная установка, как коллективизм. Это было связано с проведением Екатериной II реформ 1775–1785 гг., а обозначившаяся тенденция заключалась в переходе от общности к обществу, но она получила заметное развитие только в крупных и части средних городов. В остальных – нововведения сказались незначительно, что объединяло население малых, по преимуществу аграрных городских поселений по своим бытовым особенностям с деревенскими жителями (Миронов, 2018б: 266). Основной смысл трансформаций в данном случае Б.Н. Миронов сформулировал следующим образом: «Главные социальные организации (с точки зрения структуры, функций, управления, межличностных отношений, основополагающих принципов жизни) с течением времени становились все более рациональными, формализованными, полагающимися в своей деятельности на твердые юридические основания; в них органическое единство превращалось в механическое, а солидарность, основанная преимущественно на соседстве и родстве, на уважении, привязанности и дружбе, заменялась объединением, базирующимся главным образом на законном порядке и на обмене услугами» (Миронов, 2018б: 299-300).

Если говорить о дворянском сословии, то чувство коллективизма вместе с общинным социальным строем у него исчезло уже во второй половине XVIII века, в ходе указанных реформ Северной Семирамиды (Миронов, 2018б: 299-303). Таким образом, модернизационного импульса Северной войны хватило лишь только на начало духовной модернизации в среде дворянства (и то по отдельным параметрам), в отношении же остальных категорий российского социума фиксировать даже первую стадию данного процесса нет оснований.

Начало XIX века ознаменовалось участием России в международных конфликтах континентального характера: имеются в виду боевые действия в рамках антифранцузских коалиций, Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Сценарий второй из названных во многом напоминал Северную войну. Однако Российская империя к данному периоду уже прошла определенные вехи протомодернизационного развития, потому начальные поражения русской армии не вызвали такого резонанса, который имел место в первой четверти XVIII века. Немалое значение в этом аспекте получила и итоговая триумфальная победа России, войска которой дошли даже до Парижа. Тем не менее континентальный характер боевых действий сыграл свою роль: так долго накапливавшиеся трансформации экономики перешли в новое качественное состояние: в 30-х – 40-х гг. XIX столетия в Российской империи получил свое развитие промышленный переворот, который положил начало экономической модернизации (Миронов, 2017: 17). Однако переход от ручного производства к машинному развивался по медленному сценарию в связи с тем, что в России отсутствовал оформившийся рынок свободной рабочей силы из-за наличия крепостного права. Последний факт является серьезным аргументом в пользу тезиса о необходимости синхронности модернизационных преобразований в различных сферах общественной жизни,

поскольку при отсутствии таковой инерция одной подсистемы общества в указанном аспекте может отрицательно сказываться на развитии соответствующих процессов в другой.

Социальная и политическая модернизации в первой половине XIX века не получили необходимого импульса для своего начала. Крепостное право продолжало сдерживать развитие урбанизации и социальной мобильности. Те небольшие подвижки, которые все же шли в данном направлении – попытки решения крестьянского вопроса, увеличение доли «новых дворян» до 59 % от численности всего сословия, рост городского населения почти в 3 раза (Миронов, 2018а: 342, 446, 449) – общей картины не меняли. В политическом плане Российская империя по-прежнему оставалась абсолютной монархией. Трансформации административно-территориального устройства через придание особого статуса Финляндии и Польше не играли в данном плане большой роли. Проекты по демократизации политического режима своей реализации не получили. В некоторой степени о модернизационных ростках говорит кодификация российского законодательства, осуществленная под руководством М.М. Сперанского: она продолжила линию, наметившуюся в период правления Екатерины II, на установление определенных законодательных рамок для самодержавной монархии. Но эти изменения следует расценивать не более чем как стадию политической протомодернизации.

В духовном плане модернизационные подвижки имели место только у представителей высших сословий. Патриархальность начала утрачивать свое доминирование, что было связано с развитием в дворянской среде идей просвещения и романтизма, поднимавших значение женщины и детей в рамках семьи (Миронов, 2018а: 731-732). Определенную роль в распространении указанных идей сыграли Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., когда офицерство смогло с ними глубже познакомиться непосредственно в тех странах, в которых они начали формироваться, и оценить степень их влияния на местное население.

«Просвещенный абсолютизм» Северной Семирамиды подготовил еще одну трансформацию менталитета высших слоев населения. Те права и свободы, которые были обозначены в Жалованной грамоте дворянству 1785 г., позволяют некоторым общественным деятелям и историкам говорить о том, что в России выросло «непоротое поколение». Это во многом стало подготавливать появление такого феномена, как общественное мнение. Формирование последнего усилилось в связи с Отечественной войной 1812 г. (подъем национального сознания и патриотизма в данном случае играл существенную роль (Корнилов, 1993: 78), а также с Заграничными походами русской армии 1813–1814 гг. Своего пика в первой четверти XIX века это явление достигло в рамках декабристского движения (Корнилов, 1993: 119), что в определенной мере может говорить о снижении уровня в дворянской среде такой ментальной установки, как монархизм. Дальнейшее формирование общественного мнения шло в рамках работы кружков в 20-е – 40-е гг. XIX века. Конечно, учитывая малочисленность и декабристов, и вовлеченных в деятельность вышеуказанных кружков представителей дворянства, следует сделать вывод об относительно небольшом уровне антимонархических настроений в среде высшего сословия, тем не менее эта тенденция начала набирать обороты не только у столичных дворян, но и провинциальных. Об этом свидетельствуют усилия центральной власти, прилагаемые в период правления Александра I, и особенно Николая I, по формированию выгодного образа монарха в «ценностных ориентирах провинциальной дворянской среды» (Чернышов, 2019).

5. Заключение

Таким образом, процессы трансформаций ценностных установок российского социума в XVIII – первой половине XIX веков следует оценить как духовную протомодернизацию. В наибольшей степени подверглась изменениям ментальность только высших слоев населения, горожане демонстрировали готовность к модернизационным процессам духовного плана, но в целом сохраняли ценности, присущие традиционному обществу, особенно в провинциальной среде. Духовный мир крестьянства, преобладающей части русского населения в исследуемый период, не подвергся никаким масштабным модернизационным трансформациям. Войны как катализаторы модернизации в России имперского периода не смогли в указанное время оказать серьезного влияния на ценностные ориентации русского народа, поскольку по масштабам не превышали континентального уровня, а в качестве итога имели победный для российской стороны результат. Ситуация стала существенно меняться лишь только после Крымской войны, которая хотя и приближалась по географическому охвату лишь к континентальным рамкам, но закончилась позорным поражением для Российской империи. Это заставило власти пойти на либеральные реформы 60-х – 70-х гг. XIX века, ускорившие начало социальной модернизации в России, что в дальнейшем приблизило российский социум к первичной стадии духовного перехода от традиционного общества к современному. Потому в данном случае темпоральный разрыв модернизационных процессов в различных сферах общественной жизни стал одной из причин их сильного замедления в Российском государстве.

Литература

Анисимов, 2005 – Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2005. 426 с.

- Анисимов, 1994** – Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. 496 с.
- Безгин, 2004** – Безгин В.Б. «Царь-Батюшка» и «Народ-Богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX – начала XX вв.) / *Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: Сборник научных трудов*. Вып. 2. СПб., 2004. С. 29-34.
- Безгин, Ерин, 2012** – Безгин В.Б., Ерин П.В. Крестьянская семья и сельская община конца XIX – начала XX веков (на материалах Тамбовской губернии) // *Вестник ТГТУ*. 2012. Т. 18. № 2. С. 498-507.
- Бим-Бад, Гавров, 2010** – Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ: Монография. М., 2010. 352 с.
- Буховец, 2016** – Буховец О.Г. «Государство-партия» в современной России // *Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: Сборник научных статей и материалов круглых столов* / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М., 2016. С. 34-51.
- Гавров, 2004** – Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. 352 с.
- Демографическая модернизация, 2006** – Демографическая модернизация России, 1900–2000. Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. 608 с.
- Калхун, 2006** – Калхун К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал: лекция, прочитанная 17.01.2006 г. в рамках проекта «Русские чтения» / Институт общественного проектирования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc> (дата обращения: 14.04.2019).
- Каменский, 2001** – Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. 575 с.
- Капустин, 2001** – Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // *Полис*. 2001. № 4. С. 6-26.
- Ключевский, 1989** – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. 398 с.
- Князьков, 1990** – Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. СПб., 1990. 668 с.
- Кожевникова, 2011** – Кожевникова Л.М. Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 85-90.
- Корнилов, 1993** – Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. 446 с.
- Лексин, 2011** – Лексин В.Н. Обычная русская семья в условиях трансформации института семьи: Опыт системной диагностики. М., 2011. 256 с.
- Миронов, 2017** – Миронов Б.Н. Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизации // *Уральский исторический вестник*. 2017. № 4 (57). С. 16-24.
- Миронов, 2018a** – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3-х т. 2-е изд., испр. Т. 1. СПб., 2018. 896 с.
- Миронов, 2018b** – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3-х т. 2-е изд., испр. Т. 2. СПб., 2018. 912 с.
- Миронов, 2018c** – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3-х т. 2-е изд., испр. Т. 3. СПб., 2018. 992 с.
- Модернизация России, 2004** – Модернизация России и Европа (стенограмма Круглого стола) [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 14.04.2019).
- Павленко, 2004** – Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2004. 495 с.
- Павленко, 1994** – Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. 595 с.
- Побережников, 2014** – Побережников И.В. Теории модернизации // *Теория и методология истории: Учебник для вузов* / Отв. редакторы В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград, 2014. С. 133-152.
- Поршнева, 2000** – Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918). Екатеринбург, 2000. 416 с.
- Российская модернизация, 1993** – Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. 1993. № 7. С. 3-39.
- Тимошина, 2001** – Тимошина Т.М. Экономическая история России. Учебное пособие. М., 2001. 432 с.
- Чернышов, 2019** – Чернышов А.П. Механизмы формирования верноподданнических настроений и сословных ценностей в дворянской среде в первой половине XIX века (по материалам Пензенской и Нижегородской губерний) // *Манускрипт*. 2019. № 5. С. 62-65.
- Eisenstadt, 2000** – Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*. Vol. 129. №1. pp. 1-29.
- Huntington, 2016** – Huntington S.P. The clash of civilizations? // *Culture and Politics: A Reader*. Edited by Lane Crovers and Charles Lockhart. NY, 2016. pp. 99-118.
- Sztompka, 2015** – Sztompka P. Modernization as social becoming: 10 theses on modernization // *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited* / edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore, 2015, pp. 25-31. DOI: 10.1142/9789814616072_0003

References

- Anisimov, 1994** – *Anisimov E.V.* (1994). Rossiya bez Petra: 1725–1740 [Russia without Peter Saint Petersburg. 496 p. [in Russian]
- Anisimov, 2005** – *Anisimov E.V.* (2005). Elizaveta Petrovna [Elizabeth of Russia]. Moscow. 426 p. [in Russian]
- Bezgin, 2004** – *Bezgin V.B.* (2004). «Tsar'-Batyushka» i «Narod-Bogonosets» (krest'yanskii monarkhizm kontsa XIX – nachala XX vv.) [“Tsar-Father” and “People-God-bearer” (peasant monarchism in the late XIXth – early XXth century)] *Trudy kafedry istorii i filosofii Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: sbornik nauchnykh trudov* [Works of the department of History and Philosophy of Tambov State Technical University: collected scientific works]. Vol. 2. Saint Petersburg. pp. 29-34. [in Russian]
- Bezgin, Erin, 2012** – *Bezgin V.B., Erin P.V.* (2012). Krest'yanskaya sem'ya i sel'skaya obshchina kontsa XIX – nachala XX veka (na materialakh Tambovskoi gubernii) [The peasant family and the rural commune in the late XIX – early XX century (the case of the Tambov region)]. *Transactions of TSTU*. Vol. 18. No 2. pp. 498-507 [in Russian]
- Bim-Bad, Gavrov, 2010** – *Bim-Bad B.M., Gavrov S.N.* (2010). Modernizatsiya instituta sem'i: makrosotsiologicheskii, ekonomicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz: monografiya [Modernization of the family: sociological, economic, anthropological and pedagogical analysis: Monograph]. Moscow. 352 p. [in Russian]
- Bukhovets, 2016** – *Bukhovets O.G.* (2016). «Gosudarstvo-partiya» v sovremennoi Rossii [“The State-Party” in modern Russia]. *Rossiiskaya mnogopartiinost' i rossiiskie krizisy XX-XXI vv.: sbornik nauchnykh statei i materialov kruglykh stolov / pod red. P. P. Marchenya, S. Yu. Razina* [The Russian multi-party system and Russian crises of XX-XXI centuries: collected scientific works and works of round tables / edited by P.P. Marchenya, S.Yu. Razin]. Moscow. pp. 34-51. [in Russian]
- Chernyshov, 2019** – *Chernyshov A.P.* (2019). Mekhanizmy formirovaniya vernopoddannicheskikh nastroyenii i soslovykh tsennostei v dvoryanskoj srede v pervoi polovine XIX veka (po materialam Penzenskoj i Nizhegorodskoj gubernii) [Mechanisms to form loyal moods and class values among the nobility in the first half of the XIXth century (by the example of Penza and Nizhny Novgorod provinces)]. *Manuscript*. No. 5. pp. 62-65. [in Russian]
- Demograficheskaya modernizatsiya, 2006** – Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900-2000 / pod red. A. G. Vishnevskogo [Demographic modernization of Russia, 1900-2000 / edited by A.G. Vishnevskij]. Moscow, 2006. 608 p. [in Russian]
- Eisenstadt, 2001** – *Eisenstadt S.N.* (2000). Multiple Modernities. *Daedalus*. Vol. 129. No. 1. pp. 1-29.
- Gavrov, 2004** – *Gavrov S.N.* (2004). Modernizatsiya vo imya imperii: Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii [Modernization in the name of the empire: socio-cultural aspects of modernization processes in Russia]. Moscow. 352 p. [in Russian].
- Huntington, 2016** – *Huntington S.P.* (2016). The clash of civilizations? *Culture and Politics: A Reader*. Edited by Lane Crovers and Charles Lockhart. NY. pp. 99-118.
- Kalkhun, 2006** – *Kalkhun K.* (2006). Teorii modernizatsii i globalizatsii: kto i zchem ikh pridumyval: lektsiya, pročitannaya 17.01.2006 g. v ramkakh proekta «Russkie chteniya» [Theories of modernization and globalization: who established them and why: a lecture given on January 17, 2006 as a part of the project “Russian readings”]. [Electronic resource]. URL: <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc> (accessed 14.04.2019). [in Russian]
- Kamenskii, 2001** – *Kamenskii A.B.* (2001). Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII veka (opyt tselostnogo analiza) [From Peter I to Paul I: reforms in Russia of XVIII century (methods of integral analysis)]. Moscow. 575 p. [in Russian]
- Kapustin, 2001** – *Kapustin B.G.* (2001). Konets «tranzitologii»? (O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desyatiletija) [Is it the end of “transitology”? (About the theoretical interpretation of the first Postcommunist decade)]. *Polis*. No. 4. pp. 6-26. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1989a** – *Klyuchevskii V.O.* (1989). Sochineniya [Works]. In 9 vol. Vol. 4. Kurs russkoi istorii [The Course of the Russian History]. Part 4. Moscow. 398 p. [in Russian]
- Knyaz'kov, 1990** – *Knyaz'kov S.* (1990). Ocherki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni [The essays from the history of Peter the Great]. Saint Petersburg. 668 p. [in Russian]
- Kornilov, 1993** – *Kornilov A.A.* (1993). Kurs istorii Rossii XIX veka [A course of the Russian History of the XIXth century]. Moscow. 446 p. [in Russian]
- Kozhevnikova, 2011** – *Kozhevnikova L.M.* (2011). Rol' krest'yanskoi obshchiny v agrarnoi istorii i sud'be Rossii [The role of peasants' community in the history and destiny of Russia]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. No 7 (13). Part 3. pp. 85-90. [in Russian]
- Leksin, 2011** – *Leksin V.N.* (2011). Obychnaya russkaya sem'ya v usloviyakh transformatsii instituta sem'i: Opyt sistemnoi diagnostiki [The common Russian family: Methods of system diagnostics]. Moscow. 256 p. [in Russian]

Mironov, 2017 – Mironov B.N. (2017). Spornye voprosy imperskoi, sovetskoi i postsovetskoi modernizatsii [Argumentative issues of imperial, Soviet and Post-Soviet modernizations]. *Ural Historical Journal*. No 4 (57). pp. 16-24. [in Russian]

Mironov, 2018a – Mironov B.N. (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 1. Saint Petersburg. 896 p. [in Russian]

Mironov, 2018b – Mironov B.N. (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 2. Saint Petersburg. 912 p. [in Russian]

Mironov, 2018c – Mironov B.N. (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3-kh t. [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vol.]. Vol. 3. Saint Petersburg. 992 p. [in Russian]

Modernizatsiya Rossii, 2004 – Modernizatsiya Rossii i Evropa (stenogramma Kruglogo stola) [The modernization of Russia and Europe (The stenogramma of round table discussion)]. [Electronic resource]. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (accessed 14.04.2019). [in Russian]

Pavlenko, 1994 – Pavlenko N.I. (1994). Petr Velikii [Peter the Great]. Moscow. 595 p. [in Russian]

Pavlenko, 2004 – Pavlenko N.I. (2004). Ekaterina Velikaya [Catherine the Great]. Moscow. 495 p. [in Russian]

Poberezhnikov, 2014 – Poberezhnikov I.V. (2014). Teorii modernizatsii [Theories of modernization]. *Teoriya i metodologiya istorii* [Theory and methodology of history]. Edited by V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. Volgograd. pp. 133-152. [in Russian]

Rossiiskaya modernizatsiya, 1993 – Rossiiskaya modernizatsiya: problemy i perspektivy (Materialy «kruglogo stola») [Russian modernization: problems and perspectives (Proc. of a round table discussion)]. *Issues of Philosophy*. 1993. No 7. pp. 3-39. [in Russian]

Sztompka, 2015 – Sztompka P. (2015). Modernization as social becoming: 10 theses on modernization. *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited*. Edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore. pp. 25-31. DOI: 10.1142/9789814616072_0003

Timoshina, 2001 – Timoshina T.M. (2001). Ekonomicheskaya istoriya Rossii. Uchebnoe posobie [The Economic History of Russia. Textbook]. Moscow. 432 p. [in Russian]

Влияние войн на духовное развитие российского социума в XVIII –первой половине XIX веков: модернизация или протомодернизация

Константин Владимирович Самохин ^{а,*}

^а Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется влияние войн на ментальность различных социальных групп в Российской империи XVIII – первой половины XIX веков. Методологической основой работы является теория модернизации, которая трактуется классически как переход от традиционного (аграрного) общества к современному (индустриальному). Модернизация, присущая России в имперский период, оценивается как догоняющая, имеющая волновую основу и мобилизационный характер, обусловленная «вызовами» Западной цивилизации. Доказывается тезис, что интенсивность модернизационных процессов, в том числе и духовного плана, зависела от масштабности военных действий и их результативности для Российского государства. В качестве основных характеристик ментальности традиционного российского социума, которые должны были изменяться под воздействием модернизации, рассматриваются патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, монархизм, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость) и общинный коллективизм. Обосновывается положение о том, что модернизационные процессы духовного развития российского общества в указанный период не получили оформленного выражения. Это объясняется локально-континентальным масштабом Северной и Наполеоновских войн, а также их победным исходом для российской стороны. Большую роль в данном аспекте сыграла и асинхронность различных видов модернизации, в частности, позднее начало социального перехода российского социума от традиционного общества к индустриальному обусловило и более позднее оформление модернизации в духовном плане. Это заставляет автора сделать вывод о том, что процессы изменения ментальности большей части российского населения до середины XIX века следует оценивать как духовную протомодернизацию.

Ключевые слова: война, духовное развитие, российское общество, протомодернизация, модернизация, асинхронность, догоняющая модернизация, Российская империя, ментальность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kon-sam@yandex.ru (К.В. Самохин)